

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 81'373.49

DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-191

EDN: RSGZDA

История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке

Лидия Анатольевна Становая

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена. 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
lida_stan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1702-4506

Аннотация. В статье рассматриваются причины появления французского артикля, предложенные в русле: 1. наиболее известной и широко распространённой теории «компенсации» – артикль необходим для компенсации разрушенных латинских именных флексий. Поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль выполняет артикль как служебный элемент, функционально эквивалентный латинским флексиям. 2. теории экстенсии Г. Гийома – артикль необходим для выражения недискретной экстенсии (объема понятия) имени. В безартиклевых языках экстенсия имени выражается при помощи числа, а в артиклевых языках – при помощи числа и артикля. Когда одной системы числа становится недостаточно для выражения экстенсии имени, тогда формируется новая система артикля. Категория числа становится предназначенной для выражения дискретной, считаемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. 3. теории глоттогенеза Г. Гийома – артикль необходим для трансформации слова-предложения в слово. Трансформация слова-предложения в слово необходима для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи в индоевропейских языках как языках словесного типа. Для этого необходимо «высвобождение лица», то есть выделение граммы (грамматического форманта), выражающей грамматическое лицо, из корпуса имени и глагола. Грамматическое лицо находит свое эксплицитное выражение в артикле как грамме лица существительного, вынесенной в препозицию за пределы именной формы.

Ключевые слова: романское языкознание; психосистематика; историческая грамматика; история французского языка; имя; артикль; лицо; число; падеж

Для цитирования: Становая Л. А. История французского артикля: о причинах появления артикля во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 191–201. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-191>. <https://elibrary.ru/RSGZDA>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

History of the french article: about the reasons for the appearance of the article in french

Lidia A. Stanovaya

Doctor of philological sciences, professor, head of the department of romance philology, Herzen state pedagogical university of Russia. 191186, St. Petersburg, Moika river emb, 48
lida_stan@mail.ru, orcid.org/0000-0002-1702-4506

Abstract. The article considers the reasons for the appearance of the french article in keeping with: 1. the most famous and widespread theory of «compensation» – the article is necessary to compensate for the lost Latin nominative inflection. Since the formation and evolution of french and other romance languages takes place in line with the progressive analytic development, this compensatory role is played by the article as a functional element equivalent to Latin inflections. 2. G. Guillaume's theory of extension – the article is necessary to express the non-discrete extension (scope of the concept) of a noun. In non-article languages, the noun extension is expressed by a number, and in article

languages, it is expressed by a number and an article. When the number system becomes insufficient to express the noun extension, then a new article system is formed. The number category begins to express discrete, countable extension, and the article category begins to express non-discrete extension, which is alien to the number category. 3. G. Guillaume's theory of glottogenesis – the article is necessary for transforming a word-sentence into a word. The transformation of a word-sentence into a word is necessary for the final categorization of a word as a unit of language and a sentence (phrase) as a unit of speech in indo-european languages as verbal languages. To do this, it is necessary to «liberate the person», i.e., to separate the grammeme (grammatical formant) expressing the grammar person from the corpus of the noun and verb. The grammar person finds its explicit expression in the article as a grammeme of the noun's person, placed in a preposition outside the nominal form.

Key words: romance linguistics; psychosystematics; historical grammar; history of the french language; nominal declension; article; person; number; case

For citation: Stanovaya L. A. History of the french article: about the reasons for the appearance of the article in french. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(3):191–201. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-3-38-191>. <https://elibrary.ru/RSGZDA>

«Мир, с которым мы вступаем в контакт в лингвистике, – это внутренний мир, это мир мысли, формируемый в нас нашими представлениями».

Г. Гийом (1992, с. 20).

Введение

Артикль, как известно, не является языковой универсалией: согласно данным Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS), в 198 современных языках мира нет никакого артикля, в 377 языках есть определенный артикль, в 238 языках – неопределенный [WALS, карты 37A; 38A].

Таким образом, появление во французском и других романских языках артикля, отсутствующего в латинском языке, не может быть объяснено антропологически: ни «образованием новых форм мышления», вызванных переходом «от феодальной социально-экономической формации к формации капиталистической» [Сергиевский, 1938, с. 281–282]; ни общим когнитивным развитием жителей романизованных провинций в период формирования романских языков, обуславливающим «усиление абстрактности и логической связности мышления» и «усиление аналитической способности» в «процессе становления аналитического строя» [Генидзе, 2009, с. 17–18].

Отсутствие артикля во многих современных языках в очередной раз доказывает, что при изучении языковой эволюции нельзя использовать модные, но фактологически ошибочные теории. Так, идея о связи между изменениями базиса и надстройки, идеологически важная в 30-х годах XX века, оказывается лишь курьезным фактом в истории языкознания. Развитие абстрактного мышления относится к значительно более ранним этапам филогенеза человека, нежели периоды предистории и истории французского языка, а

потому не может служить причиной ни появления артикля как служебного слова, элемента аналитической формы существительного, ни аналитического развития французского языка в целом. Важно подчеркнуть, что эволюция любого языка обусловлена внутренними языковыми законами и что ни артиклевые или безартиклевые языки, ни типологически разные языки в целом никак не связаны с более или менее развитым абстрактным и аналитическим мышлением людей, говорящих на этих языках.

Между тем, известно, что в истории французского языка появление артикля и других служебных слов всегда связывается с развитием аналитизма (подробнее см.: [Становая, 2020; Brunot, 1966, p. 93; Vuridant, 2000, p. 759–761; и др.]. Однако, конкретные причины появления артикля, как и в целом причины развития аналитизма в процессе формирования и эволюции французского языка, остаются по-прежнему дискуссионными.

Учитывая вышесказанное, критический анализ имеющихся мнений относительно причин появления французского артикля и истории его эволюции представляется необходимым и актуальным.

Результаты исследования

1. Теория «компенсации». История определенного и неопределенного артикля начинается в старофранцузском языке с самого первого французского рукописного текста «Кантилена (Секвенция) о Св. Евлалии» (рукопись Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150), выполненного в конце IX века, или около 900 г. Уже в этом тексте зафиксированы формы определенного и неопределенного артиклей, например: *li dō Inimi, li rex pagiens, lo feule, lo suon element, lef malf consellierf,*

lef empedementz, La polle, La domnizelle, Ad une spede, и др.

История размышлений и рассуждений о французском артикле точно так же начинается в старофранцузский период, когда средневековые ученые обращают внимание на роль артикля в понимании синтаксической функции существительного в предложении и определении понятия, выраженного существительным.

Так, Роберт Килуордби (Robert Kilwardby, 1215–1275 гг.) отметил, что именно артикль указывает на синтаксическую функцию существительного и позволяет понять общий смысл предложения:

«Prima igitur notitia fit per primam impositionem dictionis. Sed quia ab hac dictione est significatio confusa respectu consignificationum et ordinationum diversorum, adduntur ei articuli ad demonstrandum secundam notitiam circa ipsam secundum predictum modum. Hec patent manifeste in gallico quod distinguit articulos. Si enim dicatur «maistre», adhuc confusum est respectu casuum et respectu diversorum ordinum in oratione. Si enim dicitur «li maistres», determinatur ei nominativus et determinatur ei ratio ordinationis, ut ab eo potest sic egredi actus, quod patet dicendum «li maistres lit». Si autem dicatur «le maistre», determinatur ei accusativus et ratio ordinationis, ut recipiat actum sic: «Je voi le maistre» [Цит. по: Lusignan, 1987, р. 27]. – Первое понимание осуществляется при первом предъявлении высказывания. Но так как смысл этого высказывания запутан из-за различных сознания и употреблений, то к нему добавляются артикли, чтобы уточнить второе понимание в соответствии с вышеуказанным разъяснением. Это очевидно во французском языке, который различает артикли. Ибо, если сказать «maistre», это будет неясно относительно падежей и возможных употреблений в речи. Если же сказать «li maistres», сразу же указывается именительный падеж, и определяется смысл его употребления, чтобы обозначить того, от кого исходит действие, так что ясно, когда говорят «li maistres lit». Однако если сказать «le maistre», то указывается винительный падеж, и определяется смысл его употребления, чтобы обозначить того, кто получает действие, так что ясно, когда говорят: «Je voi le maistre» (здесь и далее – перевод наш Л. С.).

Важно отметить, во-первых, роль французского артикля в уточнении понимания понятия, выраженного существительным – эта функция артикля в дальнейшем будет определяться грамматистами как актуализирующая, детерминативная,

референтная и др., связанная с процессами актуализации и детерминации существительного (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2012, глава VI]); во-вторых, роль французского артикля в выражении падежных значений в связи с отсутствием именного склонения во французском языке – эта функция артикля в дальнейшем послужит историкам языка для объяснения причины появления артикля, а грамматистам – для формулирования теории «аналитического» склонения, то есть склонения, образованного при помощи артиклей и предлогов (подробнее см.: [Становая, 2021]); в-третьих, разные формы артикля (*li, le*) и существительного (*maistres, maistre*), подтверждающие наличие двухпадежного именного склонения в старофранцузском языке, а соответственно, опровергающие мнение самого Р. Килуордби, доказывающего, что только артикль указывает на падеж и на синтаксическую функцию существительного – это наглядное противоречие в очередной раз объясняет причины длительных споров историков французского языка о старофранцузском именном склонении (подробнее см.: [Становая, 2021]).

В дальнейшем многие средневековые ученые будут связывать наличие артикля с отсутствием у существительного иных средств выражения падежных значений. Например, Рауль Бретонец (Raoul le Breton) прямо напишет: *«Ideo aliqui articuli sunt inventi ad diligendum casus»* [Цит. по: Lusignan, 1987, р. 27] – Именно поэтому артикли были придуманы для различения падежей.

Так была создана хронологически первая теория, объясняющая причины появления артикля во французском языке: с исчезновением латинского склонения и, соответственно, латинских падежных флексий, французскому существительному необходимо новое средство выражения падежного значения, то есть артикль. Все последующие трактаты XIII–XV веков окончательно закрепят эту непосредственную связь между латинским склонением и французским артиклем.

Так, учитель XIII века, переведший на старофранцузский язык латинский текст трактата Доната «Ars Minor», созданного в середине IV века и широко используемого во Франции для обучения латинскому языку до XVI века включительно, объясняет шестипадежное латинское склонение при помощи определенного артикля *le* и предлогов:

«Le nominatif dit le mestre, le génitif du mestre, le datif au mestre, l'accusatif le mestre, le vocatif o tu mestre, l'ablatif par le mestre, o le mestre et sanz le mestre et du mestre» [Colombo Timelli, 1996,

р. 146] – Именительный падеж *le mestre*, родительный *du mestre*, дательный *au mestre*, винительный *le mestre*, звательный *o tu mestre*, предложный *par le mestre*, *o le mestre* и *sanz le mestre* и *du mestre*.

«Французский Донат» Дж. Бартона (*Donait françois <...> de Johan Barton*) в рукописи начала XV века полностью повторяет это описание латинского склонения:

«<...> *le est signe du nominatif ou du accusatif, du est signe de le genitif ou de ablatif et au est signe du datif. Mais le vocatif ne a point de signe <...> exemple des touz les cases. Nominatif: le m., g. du m., d. au m., a. le m., v. m., a. du m. et en pulier (sic! – Л. С.) n. les maistres*» [Stengel, 1879, p. 28]. – *le* это знак именительного или винительного падежа, *du* это знак родительного или предложного, а *au* это знак дательного падежа. Но звательный падеж не имеет никакого знака <...> вот пример всех падежей. Именительный: *le m.*, род. *du m.*, дат. *au m.*, вин. *le m.*, зват. *m.*, предл. *du m.* и во множественном числе *les maistres*.

Точно так же делает и автор одной из первых французских грамматик Жак Дюбуа, или Сильвиус (*Jacques Dubois, Jacobus Sylvius*):

«*Nominativo hic magister, le maître. Genitivo magistri de, & du maître. Dativo magistro a, & au maître. Accusatiuo magistrum, le maître. Vocatiuo ô magister, ô maître. <...>*» [Dubois, 1531, p. 96]. – Именительный *hic magister, le maître*. Родительный *magistri de, & du maître*. Дательный *magistro a, & au maître*. Винительный *magistrum, le maître*. Звательный *ô magister, ô maître*.

Следует обратить внимание на то, что во всех трактатах употреблено одно и то же существительное *maistre, mestre*. Сейчас это называли бы плагиатом, а раньше это было свидетельством научной эрудиции автора, преемственности научных знаний и традиций. В полном соответствии с этими давними сложившимися знаниями и традициями выполнены и первые работы по истории французского языка.

Так, Фр. Рейнуар в 1816 г. отметил «деградацию» латинского языка, в котором, начиная с VI века, различие между подлежащими и дополнениями, с одной стороны, прямыми и косвенными дополнениями, с другой, оказалось утраченным в связи с разрушением окончаний у существительных и прилагательных. Необходимость выражения этого различия вызвала употребление указательных местоимений *ille* и *ipse* в «испорченном латинском языке» (*la langue latine corrompue*) и создание

артиклей для замещения склонения в новом «романском» языке [Raynouard, 1816, p. 40–50].

В дальнейшем традиционная идея о связи между исчезновением падежной флексии и появлением артикля получила научное обоснование в виде наиболее известной и широко распространённой теории так называемой «компенсации». Суть ее заключается в следующем. В связи с фонетическим или, по Ф. Брюно, психологическим [Brunot, 1966, p. 93], разрушением именных падежных флексий возникает необходимость их компенсации, а поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль начинают выполнять различные слова, постепенно превращающиеся в служебные элементы, функционально эквивалентные латинским флексиям. Так аналитическая конструкция существительного с бывшим указательным местоимением или числительным становится способом выражения не только прежних падежных значений, но и других грамматических значений имени.

Авторы новой «Большой исторической грамматики французского языка» называют «компенсацию» (*effet de compensation*) внутренней причиной языковых изменений и указывают, что «атрофия» противопоставления грамматических значений при помощи «суффиксов» сопровождается «параллельным» развитием препозитивных грамматических «морфем», например, артиклей [GGHF, 2020, с. 21, 33; 619].

Согласно данным Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS), между отсутствием именного склонения и наличием артиклей есть некоторая, но не столь однозначная связь. Падежное склонение присутствует в 161 языке и отсутствует в 100 языках [WALS, карта 49A]. Действительно, во многих языках есть склонение, и нет артиклей, например, среди славянских языков, это – русский, белорусский, чешский и др., но в болгарском – нет склонения, и есть артикль, а в польском – есть и склонение, и артикли. Такая же картина и в других языковых группах, например, среди германских языков в голландском (Dutch) есть склонение, и нет артиклей, а в английском, немецком, шведском, исландском есть и склонение, и артикль.

В романских языках, кроме румынского, нет именного склонения, и есть артикль. В румынском языке имена не склоняются, но склоняются артикли – постпозитивный определенный, соединенный с существительным в цельноформлен-

ную форму, и препозитивный неопределенный с неизменяемым существительным в раздельно-оформленной форме, например: именительный-винительный *omul bun, un om bun*; родительный-дательный *omului bun, unui om bun*.

Получается, что функция артикля как компенсатора падежной флексии не подтверждается материалом разных языков – есть языки, в том числе романские, в которых подобный взгляд на артикль оправдан, но есть языки, в которых именное склонение сосуществует с артиклями.

Конечно, можно сделать вывод, что в разных языках артикли имеют разные функции, однако и в этом случае остаются вопросы. Прежде всего, главный – зачем разрушать латинское именное склонение, чтобы затем придумывать артикль? В теории «компенсации» ответа на этот вопрос нет. К тому же, нельзя согласиться с тем, что именно фонетические или психологические изменения стали причиной такой фундаментальной перестройки грамматической системы как разрушение именного склонения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С нашей точки зрения, здесь иной порядок причинно-следственных отношений: разрушение именных флексий обусловлено не фонетическими изменениями или «психологической» сложностью самого понятия падежа или синкретичной падежной флексии, включающей значения рода, числа и падежа, а общей перестройкой грамматической системы, ведущей к постепенному исчезновению именного склонения, а следовательно, и к исчезновению падежной флексии. Известно, что общее разрушение именного склонения началось уже в архаической латыни, однако причины этой глобальной грамматической перестройки в теории «компенсации» обычно не рассматриваются, а только констатируется факт изменения типологических характеристик языков, например: латинский синтетический → романские аналитические; или: индоевропейские агглютинативные → латинский флективный → романские изолирующие.

2. Теория психосистематики. Обратимся к другому объяснению, представленному в теории психосистематики, где артикль понимается как «третье лицо имени существительного, лицо кардинальное, неизменяемое по рангу» и «выделенное из существительного, превратившееся в отдельную морфему и получившее в то же время нагрузку указывать изменения экстенсии имени в речи, частью которой имя становится при переходе из языка» [Скрелина, 2009, с. 309–310].

Г. Гийом связал формирование системы артикля с разделением прежде единой системы числа (подробно см.: [Скрелина, 2009; Скрелина, Становая, 2012; Guillaume, 1985; 1991; Lowe, 2007]).

Г. Гийом обратил внимание на экстенсию имени (*l'extension nominale*) в языке и речи, то есть «понятие объема имени в языке как потенциальной возможности расширения или сужения этого объема при употреблении имени в речи» [Скрелина, 2009, с. 329], и способы выражения этой языковой константы (*une constante linguistique*) в разных языках [Guillaume, 1985, p. 173–181].

Так, в одних языках экстенсия имени выражается при помощи числа, в других – при помощи числа и артикля. Появление артикля свидетельствует о том, что в определенный момент одной системы числа становится недостаточно для выполнения этой задачи. Соответственно, из системы числа выделяется новая, необходимая для этого система артикля. Подтверждением такому развитию служит сходство механизмов категории артикля и категории числа: и в том, и в другом случае мысль движется от всеобщего к частному – механизм партикуляризации, и далее от частного к всеобщему – механизм генерализации. Единственная разница состоит в том, что крайним ограничением с обеих сторон – справа и слева – для артикля является всеобщее (*universel*), а для числа – множественное (*pluriel*). См. рис. 1 и рис 2.

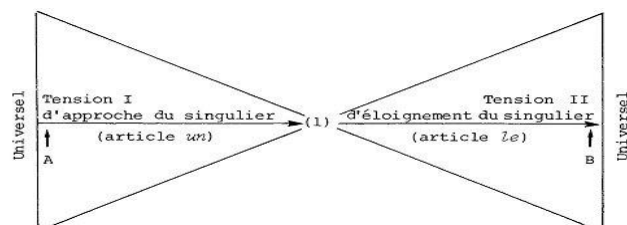

Рисунок 1. Система артикля [Guillaume, 1985, p. 173–181]

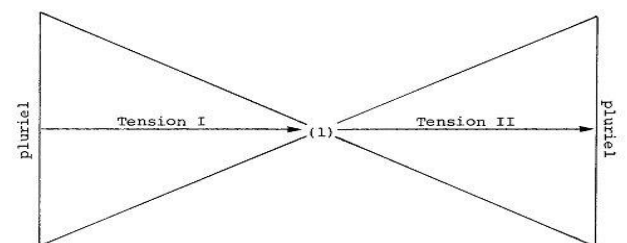

Рисунок 2. Система числа [Guillaume, 1985, p. 173–181]

Если соединить обе схемы Г. Гийома, то есть числа и артикля, окажется, что всеобщему у артикля соответствует множественное у числа. Разница связана с различием дискретности

(discontinuu) и недискретности (continuu). Всеобщее по определению является недискретным. Множественное число по определению является дискретным. Чтобы образовать множественное число, необходимо сначала произвести дискретность, то есть выделить единицу из недискретного всеобщего, а затем из этих выделенных, уже дискретных единиц сформировать дискретное множественное число. Чтобы показать это различие множественного числа, называемого Г. Гийомом одинаково (pluriel), Л. М. Скредина использовала понятия внешней и внутренней множественности, обозначаемых ею как множественность (внутренняя, недискретная) и множественное число (внешняя, дискретная множественность). См. рис. 3.

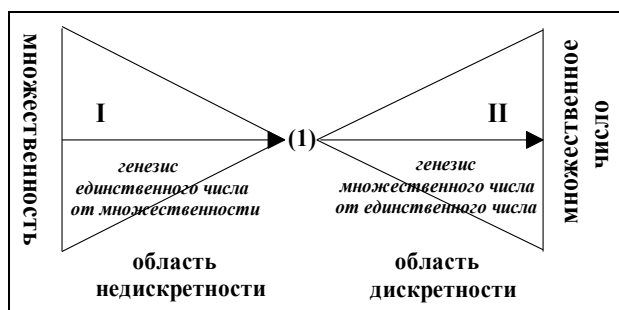

Рисунок 3. Внешняя и внутренняя множественность [Скредина, Становая, 2012, с. 181]

Таким образом, во французском и других языках, создавших артикль, прежде единая система числа была разделена: категория числа оказалась предназначенной для выражения дискретной, считаемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. Однако, как отметил сам Г. Гийом, практической нужды в этом разделении не было: в безартиклевых языках экстенсия имени по-прежнему выражается при помощи числа, а в артиклевых языках две экстенсии (числа и артикля) накладываются друг на друга.

Теория Г. Гийома интересна прежде всего потому, что позволяет задуматься над тем, как организованы категории числа и артикля в разных языках – возможно, именно в этом кроется причина сосуществования склонения и артикля в одних и тех же языках. Однако, поскольку разделение единой системы числа на две – числа и артикля – является необязательным, вопрос о появлении артикля во французском языке остается открытым.

3. Артикль как результат «высвобождения лица» из корпуса имени. Мы связали появление артикля с трансформацией слова-предложения в

слово и необходимым для этого «высвобождением лица» из корпуса имени. Мы заключили, что артикль – это препозитивная граммема лица, выделенная из формы существительного и вынесенная за ее пределы для того, чтобы существительное перестало быть словом-предложением и стало словом-именем [Становая, 2013; 2020; Stanovaia, 2018].

Согласно Г. Гийому [Скредина, 2009; Guillaume, 1982; 2005; и др.], индоевропейские языки как языки словесного типа в процессе своего формирования и эволюции продвигались от 1 начального пространственно-временного ареала, вокабулой, то есть языковой единицей, которой является слово-предложение, ко 2 срединному, гипотетическому, с его вокабулой – псевдо-лексическое слово, и далее к 3 конечному с его вокабулой – лексическое слово. Слово-предложение (mot-phrase) как многосложное цельнофразовое образование стало основой для дальнейшего формирования сначала гипотетического псевдо-лексического слова (mot pseudo-lexical), а затем и лексического слова (mot lexical).

Таким образом, хронологическая последовательность формирования и эволюции индоевропейских языков может быть представлена как прогрессивное движение от слова-предложения к лексическому слову. Однако, с формированием лексического слова слово-предложение не прекращает своего существования, поскольку и в латинском языке, и во многих современных индоевропейских языках есть структуры, по-прежнему являющиеся словами-предложениями, то есть одновременно и словами, и предложениями.

Таковы в латинском языке, например: ‘Venit – Приходит’; ‘Nox – Ночь’. В одном случае латинская глагольная форма ‘Venit – Приходит’ может быть односоставным глагольным, определенно-личным предложением, но в другом случае, например: ‘Petrus venit – Петр приходит’ она же может быть словом, то есть личной глагольной формой сказуемого, употребленной с подлежащим. Также латинское существительное ‘Nox – Ночь’ может быть односоставным субстантивным, назывным предложением, а в другом случае, например: ‘Nox tranquilla est – Ночь (есть) тихая’ – словом, то есть существительным в именительном падеже, употребленным со сказуемым как подлежащее. В современном французском языке это уже невозможно: форма ‘venit > vient – приходит’ может быть только словом, то есть личной глагольной формой сказуемого, а предложение может быть только двусоставным ‘Il vient –

Он приходит', то есть состоящим из сказуемого *vient* и подлежащего 'Il – Он'. Также форма '*Nox* > *nuit* – ночь' может быть только словом, а односоставным предложением будет '*La nuit* – Ночь', то есть сочетание существительного '*nuit* – ночь' с артиклем '*La*'.

Очевидно, что во французском языке, в отличие от латинского и русского, глагол и существительное (*vient*, *nuit*) может быть только словом, единицей языка, для актуализации которого, то есть для дальнейшего перехода в речь, необходим дополнительный элемент – личное местоимение для глагольной формы или артикль для именной – грамматический формант (граммема), который представляет собой эксплицитное грамматическое выражение лица, субъекта, вынесенный в препозицию за пределы глагольной и именной формы. Как отметила Л. М. Скредина: «Артикль выступает реализацией лица, инкорпорированного в существительном: это экзо-семантическая эксплицитность лица. В диахронической перспективе (или ретроспективе) такое развитие свидетельствует о высвобождении лица из корпуса имени, подобное тому высвобождению, которое наблюдается в глаголе относительно порядковых лиц» [Скредина 2009, с. 310–311].

Таким образом, появление артикля как препозитивной граммемы лица было необходимо для того, чтобы существительное, точно так же, как и глагол, перестало быть словом-предложением и стало только словом. Такая трансформация слова-предложения необходима для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи, и, следовательно, для окончательного разделения языка и речи как двух пространственных областей речевой деятельности, объединяемых в акте речевой деятельности, но разъединяемых «пространством *оперативного времени*», являющегося «границей между областью построенного (язык) и областью строящегося (речь)» [Скредина, 2009, с. 22 (выделение автора – Л. С.)]. Как полагал Г. Гийом [Guillaume, 1982, p. 29], именно в этом разделении языка и речи заключается конечная цель прогрессивного развития языка в исторической перспективе.

Столь важная роль лица в языковой эволюции обусловлена тем, что лицо всегда присутствует зримо или незримо как логическое, мыслимое и как грамматическое, выраженное морфемами (граммемами), внутренними, то есть включенными в состав слова, и внешними, то есть находящимися за его пределами. Анализируя граммати-

ческие способы выражения лица, Г. Гийом приходит к заключению о «вездесущем» 3 лице единственного числа '*il*' – он как объективном, логическом лице. Это лицо присутствует только в существительном как мыслимое, идеальное представление, образ существа, предмета, понятия в широком смысле слова.

Для объяснения принципиального отличия лица существительного Г. Гийом употребляет термины, используемые во французской грамматике для числительных: '*personne cardinale*' – количественное лицо, постоянное, всегда 3-е, неизменяемое по рангу, называемое также логическим лицом и лицом универсума (*personne d'univers*), имплицитно или эксплицитно присутствующим в языке и речи vs '*personne ordinale*' – порядковое лицо, изменяемое по рангу (1-ое, 2-ое, 3-е). Л. М. Скредина для обозначения лица существительного выбирает термин «кардинальное» (от лат. *cardo*, *-inis* 'ось, центр, точка вращения') в значении 'главное, осевое, основное', составляющее основу имени, его ось, центр. Кардинальное лицо существительного является имплицитным, инкорпорированным в единую семантическую и морфологическую основу слова, «сжатую» в единое целое таким образом, «что мы не чувствуем кардинальное лицо, не выделяем его как опору морфологии существительного» [Скредина, 2009, с. 307–309]. Подробнее см.: [Скредина, 2009; Guillaume, 1991; 1999; Lowe, 2007].

Между тем именно это главное, количественное, кардинальное, но имплицитное лицо составляет то содержательное, семантическое отличие существительного как номинативной единицы и как лексико-грамматического класса слов, на которое обычно указывают грамматисты, говоря о предметности, субстанции, сущности и т. д. Важно, что кардинальное лицо служит внутренней опорой инцидентности (процесса и механизма соотношения лексико-грамматических частей слова) при формировании существительного как слова, определяемого по совокупности категорий имени: рода, числа, экстенсии, функции (падежа). Поскольку слово является единицей языка, то все указанные категориальные значения имени оказываются языковыми, морфологическими, включенными во внутреннюю структуру слова, определяющими его как лексико-грамматический класс в процессе морфогенеза. Учитывая «сжатость», целостность семантической и морфологической частей имени, необходимость в дополнительных – внешних – показателях грамматических значений имени становится очевидным, а их упо-

ребление в речи в виде артикля, предлогов, других детерминативов имени – понятным.

Существительное отличается от других частей речи не только внутренней инцидентностью, но и внутренней двойственностью лица (*la dualité intérieure de la personne de substantif*), обусловленной соединением семантемы, несущей определенный объем понятия, и кардинального лица, которому инцидентна семантема и которое становится опорой экстенсии [Guillaume, 1999, p. 129–130]. Поскольку определение экстенсии семантемы происходит в процессе актуализации, то артикль становится эксплицитной поддержкой экстенсии в речи. Об этом уже шла речь выше.

Получается, что одно кардинальное лицо остается внутри имени, а другое кардинальное лицо выделяется из существительного и получает свое выражение в виде артикля, указывающего на изменения экстенсии имени в речи, то есть при актуализации, переходе языковой единицы в речевую. Однако, актуализация существительного не ограничена только уточнением его экстенсии: в речи существительное прежде всего становится членом предложения, то есть язык – существительное → речь – подлежащее (дополнение и др.). А для этого существительное должно быть в той морфологической, прежде всего падежной, форме, которая необходима для его последующего речевого употребления как члена предложения. Следовательно, для того, чтобы стать членом предложения, существительному нужна морфема, выражающая грамматическое значение функции (падежа). Но, как известно, эксплицитные морфологические показатели функции (падежа) отсутствуют у французского существительного: в процессе формирования и эволюции французского языка все латинские падежные формы слились в единую – форму синтетического падежа, объединяющего субъектное, объектное и атрибутивное значение, которое уточняется при переходе из языка в речь. Значит ли это, что мы снова возвращаемся к связи между отсутствием во французском языке именного склонения и наличием артикля как компенсатора падежной флексии? Нет, здесь дело совсем в другом.

Как уже говорилось выше, сохранение внутри существительного и глагола граммы лица, связанной с выражением синтаксических функций и общей организацией предложения, означает сохранение слова-предложения. Поэтому грамматическое логическое лицо ‘il – он’ выделяется из корпуса имени и глагола, получая свое выражение в артикле и личном местоимении, которые этимоло-

гически идентичны – это одно и то же указательное местоимение *ille*.

Семантическое кардинальное логическое лицо, имплицитное, остается во внутренней структуре существительного и служит внутренней опорой инцидентности при его формировании как языковой единицы, слова. Грамматическое кардинальное логическое лицо покидает внутреннюю структуру существительного и находит свое эксплицитное выражение в артикле, который становится внешней, препозитивной морфемой (граммемой) лица при актуализации существительного в речи как члена предложения, «знаком перевода имени из языка, где оно находилось в потенции как виртуальность, в речь, где оно находится в реализации как актуальное» [Скрелина, Становая, 2012, с. 192].

Чтобы вычленив и вынести за пределы именной формы грамму лица, необходимо убрать падежную, в латинском языке синкретичную, флексию, оставив только лексему (семантему). На это были направлены известные в истории французского языка фонетические изменения – редукция конечных и послеударных гласных, оглушение конечных согласных, ведущие к разрушению флексий и потере различия форм существительных по числу и падежу, например: *rosā, rosae, rosam, rosā > rose; lupi, lupō, lupum, lupō > loup*, и др. На формирование новой препозитивной граммы лица в виде артикля были направлены процессы десемантизации указательного местоимения *ille* и числительного *unus* до состояния граммы и грамматизации словосочетаний ‘артикль + имя’ до состояния аналитической формы имени (подробнее см.: [Становая, 2013; 2020]).

Заключение

Критический анализ имеющихся мнений относительно причин появления французского артикля показал следующее.

1. Теория «компенсации». Хронологически первой и наиболее распространенной в истории французского языка является теория так называемой «компенсации». Суть ее заключается в следующем. В связи с фонетическим или психологическим разрушением именных падежных флексий возникает необходимость их компенсации, а поскольку формирование и эволюция французского и других романских языков происходит в русле прогрессивного аналитического развития, то эту компенсаторную роль начинают выполнять различные слова, постепенно превращающиеся в служебные элементы, функционально эквива-

лентные латинским флексиям. Таким образом, артикль необходим как компенсатор разрушенных падежных флексий имени. Однако данные Всемирного Атласа Лингвистических структур (WALS) не подтверждают наличия столь однозначной связи между отсутствием в языке именного склонения и наличием артикля.

2. Теория экстенсии. Г. Гийом, основатель психосистематики, связал формирование системы артикля со способами выражения экстенсии имени в языке и речи: в безартиклевых языках экстенсия имени выражается при помощи числа, а в артиклевых языках – при помощи числа и артикля. Появление артикля свидетельствует о том, что в определенный момент одной системы числа становится недостаточно для выполнения этой задачи, поэтому во французском и других языках, создавших артикль, прежде единая система числа была разделена: категория числа оказалась предназначенной для выражения дискретной, считаемой экстенсии, а категория артикля – для выражения недискретной экстенсии, чуждой для категории числа. Однако, как отметил сам Г. Гийом, практической нужды в этом разделении не было, а потому вопрос о необходимости появления артикля во французском языке остается открытым.

3. Артикль как результат «высвобождения лица» из корпуса имени. Мы связали появление артикля как препозитивной граммы лица, т.е. грамматического форманта, выражающего грамматическое лицо, с окончательным исчезновением во французском языке слова-предложения и необходимым для этого «высвобождением лица» из корпуса имени. Согласно теории глоттогенеза, разработанной Г. Гийомом, при сохранении слова-предложения сохраняется определенная интерференция языка и речи: как слово, слово-предложение является единицей языка, но как предложение, слово-предложение является единицей речи. Соответственно, для окончательной категоризации слова как единицы языка и предложения (фразы) как единицы речи, и, следовательно, для окончательного разделения языка и речи, необходимо, чтобы существительное, точно так же, как и глагол, перестало быть словом-предложением и стало только словом. Поэтому грамматическое лицо покидает внутреннюю структуру существительного и находит свое эксплицитное выражение в артикле как граммеме лица, вынесенной в препозицию за пределы именной формы. Семантическое лицо остается во внутренней структуре существительного и служит

внутренней опорой инцидентности при его формировании как языковой единицы.

Библиографический список

1. Генидзе Н. К. Аналитизм в синхронии и диахронии: на материале германских языков. Санкт-Петербург, 2009. 19 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / пер. с фр. П. А. Скредина; общ. ред., послесловие и комментарии Л. М. Скредина. Москва : Прогресс. Культура, 1992. 218 с.
3. Сергиевский М. В. История французского языка. Москва : Уч.-пед. изд-во, 1938. 288 с.
4. Скредина Л. М. Школа Гийома: психосистематика. Москва : Высшая школа, 2009. 367 с.
5. Скредина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. 386 с.
6. Становая Л. А. От слова-предложения к слову, или: о развитии аналитизма французского языка // Человек и его Язык: Материалы юбилейной XVI Международной конференции научной Школы-Семинара имени Л. М. Скредина. Санкт-Петербург, 25-27 сентября 2013 г. Санкт-Петербург : ИТД «Скифия», 2013. С. 76–81.
7. Становая Л. А. Особенности аналитического и синтетического развития французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 26–35.
8. Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7. № 4. С. 112–134.
9. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. I. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.
10. Buridant Cl. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris : SEDES, 2000. 800 p.
11. Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.
12. Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.
13. GGHF – Grande Grammaire Historique du Français. Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1-2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
14. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956-1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publ. sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec – Lille : Presses de l'Université Laval; Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.
15. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1945-1946. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (I). Volume 6. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec

Lille : Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1985. 333 p.

16. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1944-1945. Série A et B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (III) et Sémantèmes, morphèmes et systèmes. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Volume 11. Québec-Lille: Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1991. 297 p.

17. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1942-1943. Série B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (I). Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et R. Lowe. Volume 16. Québec-Paris : Presses universitaires de l'Université Laval; Klincksieck, 1999. 424 p.

18. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941-1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. Volume 17. Publ. sous la dir. de R. Lowe. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2005. 495 p.

19. Lusignan S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française aux XIIIe et XIVe siècles. 2-ème éd. Paris – Montréal : Librairie philosophique J. Vrin; Les Presses de l'Université de Montréal, 1987. 204 p.

20. Lowe R. Introduction à la psychomécanique du langage. I. Psychosystématique du nom. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2007. 570 p.

21. Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. 105 p.

22. Stanovaia L. A. L'évolution analytique de la langue française dans le cadre de la théorie de la glossogénie de Gustave Guillaume // Studii de știință și cultură. Volumul XIV, Nr. 4, decembrie 2018. P. 43-52.

23. Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. // Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur. 1879 (1). P. 1-40.

24. WALS – The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/37>, 38, 49, Accessed on 2024-04-20.)

Reference list

1. Genidze N. K. Analitizm v sinhronii i diahronii: na materiale germanskih jazykov = Analyticism in synchrony and diachrony: using data from Germanic languages. Sankt-Peterburg, 2009. 19 s.

2. Gijom G. Principy teoreticheskoj lingvistiki = Principles of theoretical linguistics / per. s fr. P. A. Skrelina; obshh. red., posleslovie i komentarii L. M. Skrelinoj. Moskva : Progress. Kul'tura, 1992. 218 s.

3. Sergievskij M. V. Istorija francuzskogo jazyka = The history of the French language. Moskva : Uch.-ped. izd-vo, 1938. 288 s.

4. Skrelina L. M. Shkola Gijoma: psihosistematika = Guillaume's school: psychosystematics. Moskva : Vysshaja shkola, 2009. 367 s.

5. Skrelina L. M., Stanovaja L. A. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka = Theoretical grammar of the French language. Sankt-Peterburg : Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2012. 386 s.

6. Stanovaja L. A. Ot slova-predlozhenija k slovu, ili: o razvitii analitizma francuzskogo jazyka = From word-sentence to word, or: on the development of French analyticism // Chelovek i ego Jazyk: Materialy jubilejnoj XVI Mezhduнародnoj konferencii nauchnoj Shkoly-Seminara imeni L. M. Skrelinoj. Sankt-Peterburg, 25-27 sentjabrja 2013 g. Sankt-Peterburg : ITD «Skifija», 2013. S. 76-81.

7. Stanovaja L. A. Osobennosti analiticheskogo i sinteticheskogo razvitija francuzskogo jazyka = Specifics of analytical and synthetic development of the French language // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2020. № 198. S. 26-35.

8. Stanovaja L. A. Starofrancuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili illuzija? = Old French nominative declension - reality or illusion? // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. 2021. Vyp. 7. № 4. S. 112-134.

9. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.

10. Buridant Cl. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris : SEDES, 2000. 800 p.

11. Colombo Timelli M. Traductions françaises de l'Ars Minor de Donat au Moyen Age (XIIIe-XVe siècles). Firenze : la Nuova Italia Editrice, 1996. 244 p.

12. Dubois J. Jacobi Sylvii Ambiani In linguam gallicam isagōge, una cum eiusdem grammatica latino-gallica, ex hebraeis, graecis, et latinis authoribus. Paris : R. Estienne, 1531. 10 s.n., 159 p.

13. GGHF – Grande Grammaire Historique du Français. Marchello-Nizia C., Combettes B., Prévost S., Scheer T. (Eds.). Vol. 1-2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 r.

14. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1956-1957. Systèmes linguistiques et successivité historique des systèmes II. Publ. sous la direction de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec – Lille : Presses de l'Université Laval; Presses Universitaires de Lille, 1982. 310 p.

15. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1945-1946. Série C. Grammaire particulière du français et grammaire générale (I). Volume 6. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Québec-Lille : Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1985. 333 p.

16. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1944-1945. Série A et B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (III) et Sémantèmes, morphèmes et systèmes. Publ. sous la dir. de R. Valin, W. Hirtle et A. Joly. Volume 11. Québec-Lille: Presses universitaires de l'Université Laval; Presses universitaires de Lille, 1991. 297 p.

17. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1942-1943. Série B. Esquisse d'une grammaire descriptive de la langue française (I). Publ. sous la

dir. de R. Valin, W. Hirtle et R. Lowe. Volume 16. Québec-Paris : Presses universitaires de l'Université Laval; Klincksieck, 1999. 424 p.

18. Guillaume G. Leçons de linguistique de Gustave Guillaume. 1941–1942. Série B. Théorie du mot et typologie linguistique: initiation et construction du mot à travers les langues. Volume 17. Publ. sous la dir. de R. Lowe. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2005. 495 p.

19. Lusignan S. Parler vulgairement. Les intellectuels et la langue française aux XIIIe et XIVe siècles. 2-ème éd. Paris – Montréal : Librairie philosophique J. Vrin; Les Presses de l'Université de Montréal, 1987. 204 p.

20. Lowe R. Introduction à la psychomécanique du langage. I. Psychosystématique du nom. Québec : Presses universitaires de l'Université Laval, 2007. 570 p.

21. Raynouard Fr.-J.-M. Éléments de la grammaire de la langue romane, avant l'an 1000, précédés de recherches sur l'origine et la formation de cette langue. Paris : Firmin Didot, 1816. 105 r.

22. Stanovaia L. A. L'évolution analytique de la langue française dans le cadre de la théorie de la glosogénie de Gustave Guillaume // Studii de știință și cultură. Volumul XIV, Nr. 4, decembrie 2018. R. 43–52.

23. Stengel E. Die ältesten Anleitungsschriften zur Erlernung der französischen Sprache. // Zeitschrift für neufranzösische Sprache und Litteratur. 1879 (1). P. 1–40.

24. WALS – The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/37, 38, 49>, Accessed on 2024-04-20.)

Статья поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 13.06.2024; принята к публикации 20.06.2024.

The article was submitted on 19.05.2024; approved after reviewing 13.06.2024; accepted for publication on 20.06.2024